

Немирович-Данченко В. И. 12.03.09.
(на сцене, иная).

КНИГИ

Газета 2004 12 марта

С. 12

ЖИЗНЬ ЛЬЕТСЯ ИЗ ЧЕРНИЛЬНИЦЫ

изданы письма Немировича-Данченко

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

С перерывом в несколько месяцев издательство «Художественный театр» выпустило два четырехтомника, ценность которых для театроведческой науки переоценить трудно. Первый из них, подготовленный Ириной Виноградской, — «Жизнь и творчество К. Станиславского». Второй, только недавно завезенный в книжные магазины, называется «Вл. И. Данченко. Творческое наследие». Составитель — Инна Соловьева.

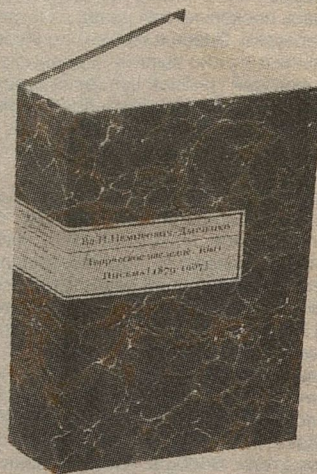
Эти восемь пухлых томов, разумеется, следует во что бы то ни стало втиснуть на книжную полку рядышком. Несмотря на дотошность и аккуратность составителей, выверивших каждую запятую в документах докомпьютерной эпохи, четырехтомники эти походят не на академические издания, а скорее на художественную прозу, которую можно запросто читать запоем, подряд. Это истории двух педантично восстановленных жизней — вплоть до мельчайших деталей, до последних подробностей, изо дня в день, на протяжении многих лет. Ирина Виноградская избрала для своей книги ход, близкий к классическому вересаевскому, и ее труд можно было бы при желании озаглавить «Станиславский в жизни». Иной же Соловьевой проделан другой путь — она издала эпистолярный Немировича, где письма важные чередуются с пустяшными, а вечное вырастает из повседневной суеты. 1709 писем, три четверти из которых ранее не публиковались.

Виктор Шкловский говорил про знаменитую книгу Вересаева «Пушкин в жизни», что в ней показан Пушкин, у которого отняли перо и чернила. По сборнику писем Немировича-Данченко, как ни беи́ся, тоже не реконструировать ни «Юлия Цезаря», ни «Трех сестер». Все, что нам остается, — судить о тех великих спектаклях по неясным отблескам, ловить их всюду, где бы они ни отразились, — хоть в оконном стекле, хоть в пузатом кофейнике. Воображение дорисует остальное, как говорил пушкинский Лепорелло. Читателю вольно давать ход своей фантазии — в отличие от корпящего в архивах исследователя, разбирающего небрежный почерк автора письма: «Целую ручки Пер. Ал. От Ек. Ник. сердечнейшие посылки».

Эпиграф к своей автобиографической книге «Из прошлого» (она тоже включена в четырехтомник) Немирович-Данченко придумал сам: «Чтобы воспоминания имели какое-нибудь значение, они должны быть прежде всего искренни и не выдуманы». Педантичная тяга к документальности и годами воспитанная аккуратность содиректора

Художественного театра отзывалась через десятилетия в книге Соловьевой: что может быть более искреннего и невыдуманного, чем реальные письма, собранные воедино?

Рядом с телеграммой к Станиславскому («поздравляем двухсотым «Фигаро», успехом, непрерывным ростом...») может оказаться письмо к «глубокоуважаемому Генриху Григорьевичу Ягоде» с просьбой похлопотать об освобождении арестованного по ошибке артиста. Рядом с рассказаниями в своей необоримой страсти к карточной игре — длиннющие послания Ольге Бокшанской с подробным разбором конкретных спектаклей. Самое последнее предсмертное письмо — опять хлопота перед каким-то бонзой за стенографистку Художественного театра, живущую «в ужасающих жилищных условиях». С тихих страниц, собранных Инной Соловьевой, встает длинная-длинная жизнь — суетная, полосатая и великая.

Немирович-Данченко Вл. И. Театральное наследие в четырех томах: Т. 1. Письма 1879-1907 / Сост., ред., коммент. И.Н. Соловьева. — М.: МХТ, 2003. — 875 с.